

- ² Напр.: *Gergova D.* Orphic Trace and Achaemenid Persia // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 68; *Rehm H.* The Impact of the Achaemenid on Thrace : A Historical Review // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* Aarhus, 2010. P. 147.
- ³ *Kent R. G.* Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1953; *Lecoq P.* Les inscriptions de la Perse achéménide. P., 1997.
- ⁴ *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. III. The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago, 1970.
- ⁵ *Roaf M.* The Subject People on the Base of the Statue of Darius // *CDAFI.* 4. P. 73–160.
- ⁶ Единственная работа, специально посвященная этому вопросу, вышла совсем недавно: *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Ethnic Identity and ethnic labelling at Persepolis: the case of the Skudrians // *Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire Achéménide (Persica 14).* P., 2009. P. 272–329.
- ⁷ *Hallock R. T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969; *Idem.* Selected Fortification Texts // *CDAFI.* 8. P. 109–136.
- ⁸ *Cameron G. G.* Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948; *Idem.* Persepolis Treasury Tablets Old and New // *JNES.* 1958. № 17. P. 161–176; *Idem.* New Tablets from Persepolis Treasury // *JNES.* 1965. № 24. P. 167–192.
- ⁹ *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Op. cit. P. 272.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 272.
- ¹¹ URL: <http://oi.uchicago.edu/research/projects/pfa/> (дата обращения: 13.01.2014).
- ¹² *Arfaei A.* Persepolis Fortification Tablets: Fort. and Teh. Texts // *Ancient Iranian Studies,* 2008. № 5. Tehran.
- ¹³ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 11.
- ¹⁴ *Briant P.* Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. Winona Lake, 2002. P. 423.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 429.
- ¹⁶ *Дандамаев М. А.* Работники царского хозяйства в Иране в конце VI – первой половине V в. до н.э. // *ВДИ.* 1973. № 3. С. 17.
- ¹⁷ *Balcer J. M.* Persian Occupied Thrace (Skudra) // *Historia.* 37. P. 1–12.
- ¹⁸ *Rehm H.* Op. cit. P. 138.
- ¹⁹ *Chirschman R.* L'Apadana de Suse // *Ir. An.* 1963. Vol. III. S. 148 / цит. по: *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч. С. 256.
- ²⁰ *Cawkwell G.* The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 49.
- ²¹ *Henkelman W. M., Stolper M. W.* Op. cit. P. 299.
- ²² *Ibid.* P. 316–322.
- ²³ *Ibid.* P. 307.
- ²⁴ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 9.
- ²⁵ *Briant P.* Op. cit. P. 437–439.
- ²⁶ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 23. П. Бриан склоняется к тому, что они были, скорее, рабами: *Briant P.* Op. cit. P. 439.
- ²⁷ *Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 23.

УДК 94(3)(093)+929 Филосторгий

ИСТОЧНИКИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ФИЛОСТОРГИЯ (Hist. eccl. I) В СОКРАЩЕНИИ ФОТИЯ

А. В. Зибаяев

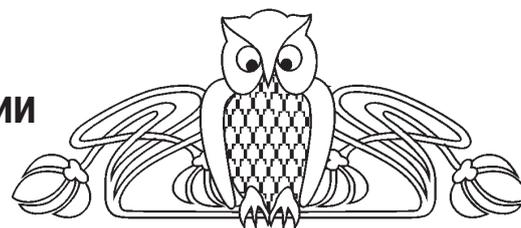
Саратовский государственный университет
E-mail: zibaew@mail.ru

В статье рассматривается проблема нарративных источников в «Церковной истории» греческого автора V в. Филосторгия. Он использовал не только тексты Священного Писания и церковных историков, но также панегирическую литературу и произведения языческих писателей поздней Античности. Широта источников и разнообразие методов работы с ними свидетельствуют о неординарности Филосторгия как церковного историка того времени. **Ключевые слова:** Филосторгий, Зосим, Евсевий Кесарийский, Лактанций, «Церковная история», письменные источники, евномиянство.

The Narrative Sources of Philostorgius' «Church History» (Hist. eccl. I) in Photius' Abridgment

A. V. Zibaev

This article is devoted to the problem of the narrative sources used in Philostorgius' «Church History». The Greek historian of the Fifth Cen-

ture had cited not only the texts of the Holy Scriptures and works of church historians, but also writings of panegyrist and pagan authors of the Late Antiquity. A lot of various sources was used and quoted in his history, his approaches to sources materials in his narration are diverse and sometimes unexpected, so that we can consider Philostorgius as an extraordinary church historian of his time.

Key words: Philostorgius, Zosimus, Eusebius of Caesarea, Lactantius, «Church History», written sources, eunomianism.

В современной историографии остается малоизученным творчество новоарианского (евномиянского) церковного историка V в. Филосторгия, каппадокийца по происхождению, писавшего на греческом языке. Его произведение используется исследователями для изучения религиозных и политических аспектов римской истории IV – начала V в.¹ Перед Филосторгием, который взялся осветить историю «правильной» евномиянской церкви и Римской империи в XII книгах, остро стоял вопрос об источниках для освещения событий от Константина Велико-

го до 425 г.² Судьба «Церковной истории» была печальна: произведение сохранилось не полностью – фрагменты труда еретического писателя дошли до наших дней в сокращенном виде в «Библиотеке» патриарха Фотия³; они содержатся также в сочинениях Иоанна Дамаскина, в частности в «Мученичестве Артемия»⁴; в лексиконе Суда; арианской житийной литературе и анонимном «Житии Константина», дошедшем в *Codex Angelicus 22*⁵; а также в трудах Никиты Хониата⁶.

При разборе сокращения первой книги «Церковной истории» можно отметить большое число сходств фрагментов «еретической» истории с отрывками из трудов Евсевия и его продолжателей, панегирической литературы; имеются также намеки на использование автором трудов иудейской историографии. Одни фрагменты представляют собой сжатое изложение первоначального текста (см.: Philostorg. Hist. ec. I. 1, 3, 5, 8), в других (Philostorg. Hist. ec. I. 2, 4–8, 10) содержание отдельных глав «Церковной истории» дано более полно. Иногда встречаются прямые выписки из оригинального произведения, причем для этой цели Фотий выбирал те места, которые находил наиболее значимыми и интересными. Несмотря на фрагментарность и сжатость произведения, дошедшего до нас благодаря Фотию, а также многочисленные текстологические разночтения в других сочинениях, содержащих фрагменты «Церковной истории», имеющегося материала всё же достаточно для изучения письменных источников, на которые опирался Филосторгий при создании своего труда, и для определения тех методов и способов, которые античный автор использовал для отбора исторического материала.

К настоящему моменту известно несколько работ об отдельных проблемах его творчества. Статья З. В. Удальцовой о Филосторгии⁷ является единственной серьезной работой на русском языке о жизни и творчестве еретика; в ней без каких-либо подробностей указываются сочинения древних писателей, известные Филосторгию. Так же кратко рассматриваются источники его труда в первом томе трехтомного издания «Культура Византии»⁸.

Расхождения в арианстве возникли из-за особенностей церкви, а именно в силу специфики церковной организации. Если в Риме пресвитеры были представлены кафедральным клиром при епископе и положение их было временным, то Александрия имела церковь и пресвитера при каждой лавре (городском квартале)⁹, что являлось следствием большего распространения христианства на Востоке, в особенности в Египте¹⁰. Это способствовало оживлению приходской жизни, а пресвитеров делало вполне независимыми от местного епископа¹¹. Арий имел возможность свободно проповедовать свое учение; он сумел обратить на себя внимание как внешним видом, так и склонностью к искусству диалектики (Sozomen. Hist. ec. I. 15) и экзегезы (Eriphanus.

Panarion. 69. 3). В дальнейшем это обстоятельство сыграло против единства арианской церкви.

Филосторгий придерживался евномианства – крайне левой фракции (аномии) арианства¹². Сторонники этого учения отвергали непознаваемость и непостижимость Бога и считали, что хотя Сын подобен Отцу, но они не единосущны и «не равного существа» (Philostorg. Hist. ec., II. 3). Полная труда и борьбы жизнь Филосторгия не помешала ему заниматься литературной деятельностью. К этому его побуждала, с одной стороны, природная наблюдательность, выражавшаяся в стремлении собирать интересные факты и записывать их на греческом языке «на память» себе и соплеменникам, с другой – горячая ревность евномианина и каппадокийца, защищавшего свои идеалы всеми доступными средствами, в том числе и литературными. Так появилась «Церковная история», написанная ad gloriam арианства.

Характер изложения материала в этом труде позволяет предположить, что он, скорее всего, был написан в Константинополе, где автор имел доступ к одной из крупнейших библиотек того времени¹³. Конкретные источники, естественно, варьировались в зависимости от освещаемых в труде событий конкретного периода Римской и церковной истории. Уникальность сочинения еретического автора в том, что он следовал как старой античной традиции, так и набирающей силу христианской историографии. В отличие от Евсевия Памфила и его ортодоксальных продолжателей, Филосторгий в первой книге демонстрирует более слабую работу с источниками. Подобно большинству античных авторов, он редко ссылается на источники своей информации, причем только один раз – на «отца церковной истории» Евсевия Кесарийского. Об этом свидетельствует упоминание Филосторгием трудов Евсевия («Церковная история» и богословские сочинения), которые он удостаивает похвалы (Philostorg. I. 2): «Филосторгий хвалит Евсевия Памфила как за все в целом, так и в особенности за его «Историю», утверждая, однако, что по отношению к благочестию тот пребывал в совершенном заблуждении. «А заблуждение, – говорит сей нечестивец, – состоит в том, что Евсевий признает Бога непознаваемым и непостижимым». Филосторгий утверждает, что Евсевию было присуще множество подобного рода заблуждений, и еще свидетельствует, что часть «Истории», основанную на личных воспоминаниях, тот оканчивает временем, когда дети Константина Великого наследовали отцу» (Philostorg. I. 2. Пер. В. А. Дорофеевой). К сожалению, кроме «Церковной истории», невозможно установить другие произведения Евсевия, использованные в этом фрагменте.

В церковной историографии существует несколько версий «видения Константина». Первоначальным, «базовым», является описание Евсевия

Памфила в *Vita Constantini*, написанной примерно в 337 г., то есть сразу после смерти Константина¹⁴. Другая версия нашла свое отражение в труде христианского ритора Лактанция в *De mortibus persecutorum*, составившегося до 313 г.¹⁵ Сходную картину с той, что имеется у «отца церковной истории», представляют схоластик Созомен Саламинский в «Церковной истории» и Руфин Аквилейский в латинской версии одноименного сочинения, писавшие под влиянием труда Евсевия¹⁶. У Филосторгия представлено совершенно особое, уникальное «видение» креста Константина. Рассмотрим описание этого чудесного явления в трех трудах – в *Vita Constantini* Евсевия Памфила, в «сокращении» Фотия и «Мученичестве Артемия» Иоанна Дамаскина.

В описании «чудесного видения» Константина (I. 6) автор использовал *Vita Constantini* (Euseb., *Vita Const.* 28). Некоторые исследователи полагали, что описание этого «чуда» у Филосторгия и Лактанция сходны¹⁷: «Как и другие, он (Филосторгий. – А. З.) пишет, что причиной поворота Константина Великого от эллинского верования к христианству стала победа над Максенцием. Сверху было знамение креста, с Востока, простирающееся далеко. Сияние поразительным образом составляло его, и звезды окаймляли его кругом в виде радуги и складывались наподобие букв: они на языке римлян составляли (следующее): «В этом победа»» (Philostorg. I. 6).

Дополнением к сведениям Филосторгия можно считать фрагмент из труда под названием «Сказание о святом и славном великомученике и чудотворце Артемии, извлеченное из “Церковной Истории” Филосторгия и некоторых других Иоанном – монахом (Дамаскиным)». В этом фрагменте говорится: «...А ко Христу он склонился, когда он (Христос. – А. З.) воззвал с неба, в то время как он (Константин. – А. З.) вел и опасную, и очень тяжелую битву с Максенцием, он (Христос. – А. З.) послал ему знамение креста в полдень, над солнцем лучезарно сиявшее светом и римскими письменами подобными звездам (подразумевается: *en touto nika*. – А. З.), предсказавшее победу в этой войне» (Artem. Passio. 45).

Описание Филосторгия во многом сходно с «оригинальной» версией Евсевия в *Vita Constantini*: «...Когда солнце находилось в положении полудня и уже день склонялся к (заходу), он (Константин. – А. З.) сказал, что своими глазами увидел на самом небе составленный из солнечного креста трофей (победный знак), образованный из света, и надпись им (знаком. – А. З.) составленная гласила: «в этом победа»» (Euseb. *Vita Const.* I. 28).

Лактанций же упоминает только о том, что Константину Христос явился во сне и повелел нанести символ на щиты воинов: *Commonitus est in quiete Constantinus, ut caeleste signum dei notaret in scutis atque ita proelium committeret. Fecit ut iussus est et transversa X littera, summo capite circumflexo,*

Christum in scutis notat («Константин был предупрежден во сне, чтобы начертал небесный знак Бога на щитах и лишь тогда начинал сражение; он сделал, как предписывалось: когда проснулся, изобразил на щитах скрещенную букву X, знак Христа» (Lact. XLIV. 5)).

Для исследования представляет интерес «исходная» версия Евсевия Кесарийского. Анализируя каноническую версию описания «чудесного видения» Константина (Euseb. *Vita Const.* I. 28), можно разделить его на следующие элементы:

- 1) рассказ о том, что Константин сам увидел это знамение;
- 2) знамение креста состоит из света;
- 3) крест располагается на солнце;
- 4) знамение дополнено надписью: «Этим победишь»;
- 5) действие произошло около полудня, но когда солнце уже склонялось к западу.

Если рассмотреть «сокращение» Фотия по такой же схеме, то получаем:

- 1) у Фотия имеется лишь намек на то, что Константин мог увидеть это «знамение», явленное «во время» победы над Максенцием; здесь возможен несколько неточный пересказ Фотием отрывка из Филосторгия;

2) в отличие от Евсевия, у Филосторгия знамение креста окружено сиянием;

- 3) крест окружен звездами подобно радуге; здесь прослеживается намек на появление этого видения ночью;

- 4) знамение дополнено складывающейся в виде римских букв надписью: «Этим победишь»;
- 5) знамение простерлось на востоке.

Таким образом, в тексте Фотия представлена традиция, изначально основанная на *Vita Constantini* Евсевия.

Анализ фрагмента из «Мученичества Артемия» позволяет констатировать:

- 1) Христос свыше призывает Константина;
- 2) как и у Евсевия, знамение явлено императору в полдень;
- 3) крест лучезарно сияет над солнцем;
- 4) римские буквы «звездовидны».

Анализируя фрагмент из мученичества святого Артемия, можно прийти к выводу, что описание Филосторгия составлено под влиянием *Vita Constantini* Евсевия. Если провести детальное сравнение двух рассказов, основанных на труде еретического автора, то можно заметить, что между ними имеется ряд несоответствий. В повествовании об Артемии чувствуется большее влияние традиции Евсевия, нежели в эпитоме Фотия. Таким образом, текст Филосторгия, как он представлен в эпитоме, видимо, более соответствует первоначальному тексту «Церковной истории».

При детальном сравнении двух версий становится понятно, что их сходство касается исключительно того времени суток, когда наблюдалось знамение (ночное время). Лактанций

и Филосторгий (по версии Фотия) считают, что «знамение» было явлено императору ночью, причем, согласно первому из них, оно приснилось Константину (Lact. XLIV. 5), а второй, судя по фрагменту, отмечал, что император увидел его своими глазами (Philostorg. I. 6). По версии «Мученичества Артемия», Константин увидел знамение в полдень, что еще больше сближает рассказ с версией Евсевия. Расхождения версии Фотия и «мученичества» может быть объяснено особенностями «переложения» первого, где были упущены важные моменты описания. Несмотря на это, описание Филосторгия обладает своей спецификой. По мнению Ф. Винкельмана и Ж. Биде, здесь чувствуется влияние некой утраченной арианской традиции о «видении» Константина Великого¹⁸.

В том, как Филосторгий определяет авторство Маккавейских книг, чувствуется знание им текстов Иосифа Флавия и Ясона из Кирены (Масс., 2. 23), Иосифу он приписывает авторство IV книги (Philostorg. I. 1). По мнению исследователей, в этом Филосторгий испытал влияние «Церковной истории» Евсевия¹⁹.

В описании событий Никейского собора основными источниками Филосторгия были акты Первого Вселенского собора, а также арианские предания и арианская житийная литература²⁰. В рассказе о начале раздоров между Арием и Александром ощущается (Philostorg. I. 4) знание Филосторгием трудов Афанасия Александрийского (Athenaeus. 11. 7; С. Ar. 73. 5) и Епифания (Pan. 68. 4. 2; 69. 1. 2; 69. 2. 4). Документы сопровождаются комментарием, составленным с позиций арианской стороны; здесь же добавлены предания ариан о событиях Первого Вселенского собора (Philostorg. I. 7–10). Скорее всего, здесь содержатся предания и слухи аномиев, последователей Аэция²¹, причем в последнем фрагменте I книги влияние аномиев ощущается сильнее всего.

Знание автором панегириков проявляется во фрагменте, в котором описано наследование Константином царства его отца Констанция Хлора (Philostorg. I. 5): «Констанций, отец Константина Великого, по словам Филосторгия, за доблесть был провозглашен правителем Верхней Галатии, где расположены так называемые Альпы. Эта местность труднодоступна и непроходима. Сейчас Верхнюю Галатию римляне называют Галлией. Смерть настигла Констанция в Британии, именуемой также Альбионом. Там его сын Константин, удивительно избегнув козней Диоклетиана, застал отца уже занемогшего и вскоре, собственноручно предав (его) тело земле, наследовал (его) царство» (Philostorg. I. 5).

В этом предложении обращает на себя внимание анахронизм: употреблено слово Галатия (*he Galatia*) вместо традиционного для церковных историков названия Галлии (*he Gallia*). Следует отметить использование Филосторгием древних названий народов, стран и провинций

на протяжении всей «Церковной истории». В предшествующий период греческие и римские авторы применяли три термина для обозначения всех континентальных кельтов²². Словом *кельты* называли их греческие писатели, начиная с Геродота (Hist. 2. 33; IV. 49). Диодор Сицилийский (Diodor. V. 32; I. 25) также использует это название, а племена, живущие за Рейном, именует *галатами*. Дион Кассий (Dio Cass. XXXIX. 49), наоборот, помещал *кельтов* на правом берегу Рейна, а *галатов* – на левом. Цезарь (Caes. B. G. 1. 1) и Павсаний (X. 21. 5) – единственные авторы, которые поясняют, что именем *кельты* эти племена называли себя сами. Римские авторы обозначали континентальных кельтов словом *галлы*. В позднеантичный период Зосим называл галлов, в соответствии с предшествующей традицией, *галатами* (см.: Zosim. Hist. nov. I. 64. 1; II. 53. 3; II. 17. 2; IV. 19. 1; IV. 24. 4; V. 37. 5) и *кельтами* (IV. 12. 1; IV. 34. 2), а Галлию *Галатией*²³ (III. 8. 1; V. 31. 4; VI. 2. 2; VI. 3. 3; VI. 4. 1; VI. 5. 1), что является намеренным шагом, поскольку «Новую историю» автор мыслил продолжением «Всеобщей истории» Полибия. По мнению М. А. Тимофеева и М. Ф. Высокого, употребление столь устаревшего слова Филосторгием могло быть сделано намеренно для архаизации текста²⁴; это подтверждают дальнейшим утверждением автора: «Ныне (Верхнюю) Галатию римляне называют Галлией» (Philostorg. I. 5). Тенденция к использованию архаизмов не прослеживается у Евсевия Кесарийского и его ортодоксальных продолжателей, что во многом связано с характером их «Церковных историй». И. Ю. Вашева справедливо отмечает, что Евсевий, как и прочие, рассматривал весь мир в целом, все народы ойкумены в совокупности²⁵. Он разрывал полисную замкнутость греков, отказывался от идеи римской исключительности, присущей античной исторической мысли; ставил и римлян, и эллинов, и варваров на одну ступень и неоднократно подчеркивал равенство «всех земных племен». Евсевий и его ортодоксальные продолжатели разделяли человечество не по территориальному или этническому признаку, что было характерно для представлений античности, а по религиозной (конфессиональной) принадлежности. Вместо традиционного античного деления людей на эллинов и римлян, с одной стороны, и «варваров» – с другой, он сформулирует новый принцип противопоставления народов – в зависимости от вероисповедания – и разделяет человечество на христиан и нехристиан. Соответственно Филосторгий, находясь в оппозиции императорской власти и в то же время будучи еретиком евноминанского толка, то есть враждебным официальной церкви, мог позволить себе несколько отойти от установленных правил в греческой церковной историографии, разделив человечество не только по религиозному признаку, но еще и по территориальному и этническому, приблизившись тем

самым к классическим авторам²⁶. Как отмечает Ф. Р. Эмидон²⁷, Филосторгий, несмотря на презрение к язычникам, отнюдь не чуждался традиционных правил, установленных в нехристианской историографии, добавляя в своё повествование, подобно Геродоту, географические сведения и древние названия различных регионов Римской империи и ойкумены.

Подобно многим языческим и христианским авторам, Филосторгий дает положительные оценки отцу императора Констанцию Хлору, называя *доблесть* причиной провозглашения его правителем Верхней Галатии. Важным является далеко не случайное помещение Констанция Хлора в контекст первого фрагмента, где дано описание региона; возможно, это прием для дополнительной героизации отца Константина, подтверждением чему служат слова о непроходимости и труднодоступности Галлии (Philostorg. I. 5). Идея противопоставления географической среды – доблести героев повествования не нова в античной историографии.

М. А. Тимофеев и М. Ф. Высокий полагают, что привычное наименование племени галатов Филосторгий, возможно, применил ко всем кельтским племенам. Однако далее арианский историк употребляет это название лишь однажды, упоминая о гибели императора Грациана от коварства тирана Максима в *Верхней Галатии* (Philostorg. IX. 5), что делает вторую версию, предложенную исследователями, не соответствующей действительности. Так, говоря о назначении Юлиана цезарем, историк сообщает о переводе его в *Галлию* для усмирения провинции (Philostorg. IV. 2). В другом случае Филосторгий, рассказывая о мятеже Ветраниона, называет Юлийские Альпы границей между Италией и *Галлией* (Philostorg. II. 24). Возможно, в своей эпитоме патриарх Фотий заменил «Галатию» «Галлией».

Подобная тенденция была характерной и для предшествующего времени. Примером может служить «Анабасис» Ксенофонта (430–356 гг. до н. э.), где повествуется о событиях 401–399 гг. до н. э., когда преданный и брошенный на произвол судьбы отряд греческих наемников совершил поход из Вавилонии через Армению к Черному морю. В этом труде греки противопоставляются не только персам и народам Ахеменидской державы с их культурой, но и чуждой им местности. Другие яркие примеры можно найти в латинских панегириках, а именно в описании могущества римских императоров. Так, в панегирике Констанцию Хлору (Pan. Lat. IV) в ходе осады Гезуриака император сумел «одолеть саму природу местности» (Philostorg. VI. 2)²⁸. И. Ю. Шабига обращает внимание на стремление панегиристов представить императора способным влиять на природу: в его силах будто бы изменить и подчинить погоду²⁹. Симпатизируя Константину, Филосторгий сообщает, что ему удалось добраться до отца, «удивительным образом избегнув козней

Диоклетиана», и наследовать его царство. Таким образом, арианский церковный историк, подобно ортодоксальным авторам, считает первого христианского императора достойным управлять после смерти отца – тоже достойного правителя. Здесь явно прослеживаются элементы риторики: различные преувеличения, стремление обратить внимание читателя (или слушателя) на обстоятельства, способные подчеркнуть достоинства восхваляемого лица. Общеизвестные факты, с этой точки зрения, не существенны, поэтому они затрагиваются вскользь³⁰. Всё это бросается в глаза в описываемом фрагменте. Отсюда можно предположить, что в оригинальном произведении евномиянина были использованы панегирики, возможно, галльские. Работая в библиотеке Константинополя, историк мог обращаться к панегирикам времен Константина Великого: панегирику Максимиану и Константину (Pan. Lat. VI [VII] 5–6); панегирику Августу Константину (VIII [V] 2. 1, 6–9, 12–21; VII [V] 4. 2–4; XII [IX] 25. 1–2).

Таким образом, разнообразие источников, использованных в «Церковной истории», свидетельствует о неординарности Филосторгия как церковного историка того времени. Кроме знания Филосторгий опирался не только на текст Священного Писания, но и на труды современников Никейского собора, а именно на сочинения Афанасия, «Жизнь Константина» и «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, *Панарий* Епифания Кипрского. Анализ I книги показывает осведомленность Филосторгия также в нехристианской литературе, в частности, он знал труды Иосифа Флавия и Ясона из Кирены. Отдельного внимания заслуживает использование еретическим историком панегирической литературы, например, латинских панегириков. Однако анализ этого материала требует специального исследования.

Примечания

- 1 См.: *Ващева И. Ю.* Образы императоров в «истории» Филосторгия // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политика. Экономика. Информатика. 2010. № 13. Вып. 15. С. 19–27; *Удальцова З. В.* Филосторгий – представитель еретической церковной историографии // Византийский временник. М., 1983. Т. 44. С. 3–21; *Она же.* Развитие исторической мысли // Культура Византии IV – первой половины VII вв. М., 1984. С. 213–222; *Бибилов М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 54–55.
- 2 То есть до провозглашения императором Западной Римской империи малолетнего Валентиниана III.
- 3 Полное название эпитомы переводится следующим образом: «Сокращение из “Церковной истории” Филосторгия, со слов патриарха Фотия».
- 4 «Мученичество Артемия» было взято из труда Филосторгия и других авторов. Римское название этого произведения в русском переводе таково: «Сказание о святом и славном великомученике и чудотворце Артемии,

- извлеченное из «Церковной истории» Филосторгия и некоторых других Иоанном – монахом (Дамаскиным)». Отсюда понятно, что основным источником Иоанна Дамаскина стала именно дошедшая во фрагментах «Церковная история». В названиях других списков этого мученичества об авторстве и тем более об источниках, как правило, ничего не говорится.
- 5 Анонимное «Житие Константина» написано в середине XI в. византийскими монахами. Кроме «Церковной истории» Филосторгия в нём использованы произведения Евсевия Памфила, Зосима, Сократа Схоластика и др. «Житие» было найдено Пио Карпини де Кавальеро в 1896 г. в библиотеке Ватикана и впервые издано Ж. Биде в 1913 г. как дополнение к его монографии. Другое известное издание: *Opitz H. G. Die Vita Constantini des codex Angelicus 22 // Byzantion. 1934. Nr. 9. S. 540–590.*
 - 6 Фрагменты из Филосторгия нашли свое отражение в *Thesaurus orthodoxae fidei* Никиты Хониата.
 - 7 *Удальцова З. В. Филосторгий... С. 3–21.*
 - 8 *Она же. Развитие исторической мысли. С. 213–222.*
 - 9 См.: *Pearson B. A. Egypt // Cambridge History of Christianity. Cambridge, 2006. Vol. 1. P. 387.*
 - 10 См.: *Снасский А. А. Обращение императора Константина Великого в христианство. СПб., 2007. С. 19–20; Болотов В. В. История Древней церкви : в 4 т. Минск, 2008. Т. III–IV. С. 25.*
 - 11 См.: *Болотов В. В. Указ. соч. С. 47–48.*
 - 12 Там же. С. 108. Исследователь предложил деление ариан Востока на четыре фракции: 1) крайних левых – аэтиан и евномиян; 2) левых – евсевиан и евдоксиян; 3) правых – акакиян; 4) крайних правых – василиан.
 - 13 *Удальцова З. В. Филосторгий... С. 3–21; Demandt A. Die Spätantike : Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989.*
 - 14 См.: *Blackman B. Eusebius von Caesarea als Verfasser der Vita Constantini // Eusebius von Caesarea. Über das Leben Konstantins / Übersetzt und kommentiert von H. Schneider. Turnhout, 2007. S. 14.*
 - 15 Трактат, по мнению ряда исследователей, был в процессе написания около десяти лет, то есть с 303 г. по 313 г. н.э. См.: *Тюленев В. М. Возникновение христианской историографии // Лактанций. О смертях преследователей / пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 1998. С. 23.*
 - 16 Временем написания труда Руфина можно считать начало V в. н.э. См.: *Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005. С. 84.*
 - 17 *Удальцова З. В. Филосторгий... С. 15.*
 - 18 *Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochen und den Fragmenten eines arianischen Historiographen // Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte / hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. S. CXXVII.*
 - 19 *Philostorgius. Church History / ed. by P. R. Amidon. Atlanta, 2007. P. 9.*
 - 20 *Ferguson T. C. The Past in Prologue. Revolution of Nicene Historiography. Leiden; Boston, 2005. P. 132–137.*
 - 21 *Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» / пер. с древнегр. В. А. Дорофеевой // Церковные историки IV–V веков. М., 2007.*
 - 22 *Куликова Ю. В. Рим и галлы до проконсульства Юлия Цезаря // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 144.*
 - 23 Однако следует отметить единичный случай упоминания Галлии в её латинизированной форме (*he Gallia – Zosimus. Hist. nov. II. 14. 1*). См. предметный и именной указатель Н. Н. Болгова: *Зосим. Новая История / пер. с древнегр. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010. С. 282–283.*
 - 24 См. комментарии исследователей: *Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» / пер. с древнегреч. В. А. Дорофеевой / Церковные историки IV–V веков. М., 2007. С. 524.*
 - 25 *Ващева И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006. С. 88.*
 - 26 Филосторгий был склонен совмещать языческое и христианское деление человечества.
 - 27 *Philostorgius. Church History. P. 5.*
 - 28 «В этом проявилось твое божественное предвидение и равное замыслу исполнение: всю акваторию порта, которую постоянно то захлестывает морской прибой, то обнажает отлив, ты сделал непроходимой для кораблей, вбив при входе бревна и навалив огромные глыбы, и удивительным замыслом одолел саму природу местности. Ведь морской отлив стал совершенно бесполезен и словно насмеялся над не имеющими возможности бежать людьми; отлив этот настолько не приносил никакой пользы осажденным, как если бы совсем прекратился» (Ран. Лат. IV. Пер. И. Ю. Шабаги).
 - 29 *Шабага И. Ю. Программный характер галльских панегириков // Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 84.*
 - 30 Там же. С. 11.